

УДК 94(47)“653”:321.17(045)

*А.Ю. Дворниченко***«ИММУНИТЕТ» И. Я. ФРОЯНОВА И НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУСИ–РОССИИ**

В данной статье автор, отталкиваясь от высказываний И. Я. Фроянова об иммунитете в Киевской Руси как о явлении дофеодального общества, постарался рассмотреть судьбу и роль иммунитета в Восточной Европе, где на основе Киевской Руси формировались молодые государства: Великое княжество Литовское и Московское государство. В статье прослежены главные историографические тренды в связи с иммунитетом, а также его история. Иммунитет здесь возрождается в прежних архаичных формах и служит князьям орудием для управления и формирования сословной структуры. В развитии самого иммунитета и в правительственной политике в этой области есть существенные различия между двумя государствами. Эти различия не стоит преувеличивать, но они были. Как бы там ни было, таких высот, как в Западной Европе в Восточной Европе иммунитет не достиг и индикатором феодализма не являлся.

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, иммунитет, Великое княжество Литовское, Московское государство.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-6-16

Творчество Игоря Яковлевича Фроянова, как историка, безусловно, выдающегося, очень полифонично, полисеманлично — можно придумать и ещё какое-то количество подобных определений. Обнаружишь нынче в его работе какую-нибудь интересную мысль и видишь, что она нужна была ему с конкретной целью. В смысле нарисовать портрет любезной его сердцу Киевской Руси¹. Потом вдруг понимаешь, что эта мысль открывает новые горизонты, даёт возможность взглянуть на уже, вроде давно известное, в ином ключе...

В данном случае речь пойдёт о таком явлении, как иммунитет². В середине 70-х И. Я. написал статью, посвященную иммунитету в Киевской Руси [28, с. 52–59]. Эта статья вошла в контекст его блестящей книги о социально-политических отношениях. Потом книга переиздавалась, но я беру в руки это зачитанное уже до дыр издание и с удовольствием перечитываю. Иммунитет здесь входит в более широком контексте в очерк о сеньориальном режиме в Киевской Руси. Доказав, по-моему, крайне убедительно, что вотчина-сеньория для того времени не более, чем мираж, И. Я. задаётся вопросом: а не встречались ли в Киевской Руси хотя бы отдельные явления сеньориального строя? И тут «упирается» в проблему иммунитета [29, с. 107]. Как всегда, он рисует историографическую картину (его творчество вполне в духе петербургской исторической школы буквально пронизано историографией!). Уже в самой этой историографии есть и критика предшественников, и выявление «историографических прецедентов» для его собственных утверждений.

Начинает он с К. А. Неволлина, который, рассматривая грамоты Московской Руси, отнёс возникновение иммунитета к очень древним временам. Причём иммунитет этот был гораздо шире, чем в московские времена и проистекал из обычного права. В. И. Сергеевич также верил в древность иммунитета, но выводил его из княжеского пожалования. С легкой руки Н. П. Павлова-Сильванского, взгляды которого в советское, да и в постсоветское время трактуют несколько однобоко, иммунитет стали считать проявлением феодализма. Павлов-Сильванский был сторонником обычно-правового происхождения иммунитета. Уместно при этом напомнить, что представитель петербургской исторической школы отнюдь не считал эпоху Киевской Руси феодальным временем. Он, продолжая опреде-

¹ Автор этих строк хорошо помнит, как И. Я. сильно осерчал на «Киевскую Русь» и заодно на Украину, хотя и осознавал прекрасно, что связь между ними весьма опосредованная. Было это тогда, когда распался наш «союз нерушимый республик свободных». Фроянов не только запретил мне читать историю Украины в стенах родного исторического факультета, но и перестал употреблять слова «Киевская Русь». Им на смену пришла безликая «Древняя Русь», которой можно обозначать всю русскую историю, уж до «осмнадцатого» века точно. Трудно передать мою радость, когда я увидел, что одну из своих работ (как оказалось, одну из последних) он в унисон со знаменитым курсом «нашего петербургского всего» (а это — А. Е. Пресняков) назвал «Лекции по русской истории. Киевская Русь». И это правильно! Даже если схлестнутся в последней битве «холод» с «москалём», то, независимо от исхода этой битвы, на неё — на Киевскую Русь — не покусится никто!

² *Immutitas* (лат.) — в средневековой Западной Европе привилегия, жалуемые монархом землевладельцу. См.: [16].

ленную историографическую традицию (вспомним, например, Н. И. Костомарова), связывал с феодализмом эпоху XIII–XV вв. Советские же историки, фактически, провели с его наследием некую операцию — они передвинули этот «феодальный период» вглубь веков. Нашлись, кстати, такие решительные люди, вроде украинских археологов В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского, которые удревели пресловутый феодализм до IV–V вв. нашей эры. Тогда в пору было выходить на восточноевропейские просторы и кричать: «Ау! Славяне, где вы?». Другими словами, славян ещё толком не было, а феодализм их уже был!

Это я уже от себя добавляю: Игорь Яковлевич украинских «письменников» не вспоминал — сказал о Павлове-Сильванском, П. И. Беляеве, перешел к советской историографии. Он тонко и чутко подметил такую закономерность: чем прочнее становились идеи о древнем происхождении крупного землевладения, тем крепче с этим землевладением увязывалась и идея о феодальном характере иммунитета и, естественно, о его обычно-правовом происхождении³. В своих работах Фроянов должен был констатировать тот факт, что «феодальная сущность иммунитета настолько укоренилась в сознании историков, что стала прописной, азбучной истиной» [29, с. 110].

Кстати говоря, вполне убедительно обращается историк и к «параллельным мирам», т. е. к отечественной медиевистике. Оставляя последнее слово за медиевистами, И. Я. наблюдает на Западе появление иммунитета ещё в дофеодальном обществе.

Что же касается Руси, проанализировав важнейшие источники (Церковные уставы Владимира и Ярослава; Уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленской епископии, жалованные грамоты Юрьеву и Пантелеймонову монастырям в Новгороде), рассмотрев положение всех этих «людей церковных» (задушных, прощеников и прочих), историк приходит к выводу о том, что судебный и финансовый иммунитет возник на Руси XI–XII вв. как «специфический дофеодальный институт». Соответственно, от феодального иммунитета он отличался либо тем, что не был связан с землевладением, либо тем, что распространялся на некоторые группы рабов и полусвободных. Лишь постепенно в нем выхолащивалось старое дофеодальное существо, и он наполнялся новым феодальным содержанием [29, с. 115]⁴. Нашёл историк (а он мастерски это делал) и историографические предпосылки для своих утверждений. В свое время никто иной, как один из творцов феодализма в советской историографии С. В. Юшков в ранней работе отмечал, что иммунитет, «несомненно, является порождением экономического и социально-политического строя эпохи, предшествующей феодализму» [32, с. 86]. Потом он впал в схоластику и стал доказывать противоположное. Я. Н. Шапов, рассматривая положение людей, зависимых от церкви (прощеники, пущеники и прочие), пришел к выводу, что поскольку права на этих людей не были связаны с земельной собственностью, то это «дофеодальный иммунитет» [31, с. 63]⁵.

При этом (очень важный момент!) на Руси иммунитет появляется в очень древней положительной форме предоставления владельцу права сбора дани и суда, а не в отрицательной, каковыми были даже ранние Мерovingские «дипломы», которые запрещали королевским агентам отправлять суд и собирать налоги. Для чего же нужен был иммунитет в таком архаическом обществе? По Фроянову, он вырастал из забот князя о материальном обеспечении социальной верхушки, в первую очередь духовных чинов и корпораций [29, с. 116].

Такова, примерно, концепция учёного касательно древнерусского иммунитета. Больше к этой тематике в работах, посвященных Киевской Руси, насколько я знаю, И. Я. не возвращался; в своих работах, посвященных «московской эпохе», этот материал он не мобилизовал [14]. Но импульс дал! Правда, историографическая картина могла бы быть более красочной. Но для этого И. Я. надо было

³ Под обаяние этого уж непонятно почему столь заманчивого «крупного землевладения» попал даже такой проницательный историк, как А. Е. Пресняков. В работе, посвященной Киевской Руси, он отмечает отсутствие надёжных сведений о боярском землевладении. В работах о становлении великорусского государства словно забывает об этом и пишет о землевладельческом боярстве, которое якобы вершит судьбы каждой земли. Странная его эволюция в этом вопросе завершается к концу 20-х гг., когда, силясь доказать древнее происхождение этого крупного землевладения, он явно проигрывает своему оппоненту С. Б. Веселовскому [12, с. 179–185; 8, с. 19–32; 11, 182].

⁴ Полагаю, что на российской (можно сказать и на восточноевропейской) почве этого так и не произошло, поскольку мне при всём старании не удаётся увидеть этот самый феодализм в наших пенатах.

⁵ Под влиянием И. Я. Фроянова и при прямой поддержке В. В. Мавродина, за что им сердечно благодарен, я написал свою первую научную статью, в которой пытался доказать, что прощеники — это либертины фиска. Думаю, что «лыко в строку», ведь это точно не феодально-зависимые люди. См.: [5, с. 109–111].

бы выйти за пределы Киевской Руси. В этом смысле интересно то, что он в какой-то степени погружается в знаменитый (в узких исторических кругах) спор между С. Б. Веселовским и А. Е. Пресняковым⁶, но при этом не упоминает ключевую работу первого, в которой иммунитет трактуется «универсальным средством, которое князья употребляют с самыми разными целями... нормальной формой управления» [4, с. 76, 114 и сл.]. Таким образом, Фроянов делает упор на содержании знати, а Веселовский — на задачах управления...

Написал про историографическую картину «красочная» и вдруг подумал, что при всей своей любви к историографии вынужден констатировать: историографическую картину можно рисовать до бесконечности. Касательно отношения к иммунитету в отечественной историографии, наверное, подробнее всех нарисовал такую картину С. М. Каштанов. Начал он это делать ещё при «не очень развитом», а потом «развитом» социализме [19, с. 172–173], но, судя по недавно увидевшей свет книге, его воззрения не изменились и сейчас [21, с. 9–194]. О С. Б. Веселовском говорили, что он каким-то чудом умудрился «пересидеть» сталинскую эпоху, писать, не отказываясь от своих «дореволюционных идей». Всё было не совсем так, но похоже. Тогда о Каштанове можно сказать, что он совершенно счастливо «пересидел» перестройку и постперестройку. Книгу его открываешь и уютно чувствуешь себя в тех самых «социализмах».

Хочу быть правильно понятым: в самом марксизме как таковом ничего совсем плохого нет. Хотя ещё О. Шпенглер точно подметил, что вся эта политическая экономия от Смита до Маркса основана на специфически английских предпосылках, самоанализе одной-единственной культуры, находящейся к тому же на одной и той же стадии развития [30, с. 597–598]. Дело, собственно, не в марксизме, а в том, что в случае Каштанова речь идёт о «советском марксизме-ленинизме» — той своеобразной идеологической похлёбке, которую сварили наши повара-обществоведы в 30–60-е гг. канувшего столетия. Анализ иммунитета в таком ракурсе приводит вновь к пониманию «феодализма» как способа производства и, если угодно, общественно-экономической формации, а не только системы вассалитета-сюзеренитета на ленной основе» [21, с. 194]. Нет, дорогой Сергей Михайлович! Нам это давно уже неуютно, поскольку то понимание этих самых «формаций», которое бытовало при «социализмах», только затемняло представление об историческом процессе, вовсе не давая историкам никакой нити Ариадны.

При таком подходе этот самый процесс в рамках нашей Родины предстаёт в виде некоего парадокса! Оказывается, «Россия неуклонно проделывала общеевропейский путь социально-экономического развития, но с опозданием на 7–8 веков. Это опоздание было изначальным, поскольку само развитие феодальных отношений здесь началось на несколько веков позже, чем на Западе». Например, если во Франции и Италии крепостных стали освобождать в XIII–XIV вв., то в России первое подобное мероприятие относится к 1803 г. — «Указ о вольных хлебопашцах» [21, с. 440]! Такая концепция не кажется нам правильной. Может, она хоть патриотическая? Тогда можно было бы смириться — патриотизма сейчас явно не хватает. Но в чём же он? Веками тесниться на задворках европейской истории, чтобы получить этот сомнительный «феодализм», от которого и медиевисты уже отказываются⁷? Взгляните на современность: ведь, если бы такая концепция была верна, то сидели бы мы сейчас где-нибудь на галерке НАТО, а не накачивали бы в очередной раз свои ядерные мускулы, целя в вышеназванную организацию!

Вернёмся, однако, к историографической картине. Каштанов столь любит сравнивать русскую историю с историей Запада, но почему-то подробно не анализирует творчество тех западных историков, которые писали об иммунитете на Руси. Впрочем, эпизодически кое-кто из них (больше не в вышеупомянутой работе, а в ещё одной вновь воспроизведенной статье) всё-таки упомянут [22]. Неплохо бы создать приличную (хотя бы по размерам) работу, посвященную западным представлениям о «русском феодализме», но явно не здесь и не сейчас.

В связи с интересующей нас проблемой обратим внимание лишь на своеобразную ситуацию с иммунитетом в западной исторической науке. Кто-то из историков, особенно кое-кто из эмигрантов оказался под обаянием стройной концепции Н. П. Павлова-Сильванского. Среди таких историков

⁶ См. об этом важнейшем для нашей исторической науки споре: [11].

⁷ Наши медиевисты, сиречь специалисты по западному Средневековью, ныне более трезво относятся к «своему» западноевропейскому феодализму. Великий А. Я. Гуревич, с которым И. Я. Фроянов полемизировал по поводу сути феодализма, в своих последних лекциях в РГГУ от него и вовсе отказался. Полностью отрицают медиевисты и феодализм русский. См.: [17].

были Отто Хёшш и, особенно, Александр Эк, нарисовавший картину вполне в духе петербургского историка [36; 37, р. 103–118]. Но уже Г. В. Вернадский занял гораздо более самостоятельную и трезвую позицию по отношению к древнерусскому «феодализму». При этом он не склонен был придавать особого значения проблеме иммунитета, делая упор на «манор», который при ближайшем рассмотрении оказывался ближе к римской латифундии, чем к западной сеньории, а также на крепостничество, которое в России носило, прежде всего, государственный характер [13, с. 384–386].

Если Д. Блюм и Г. В. Дьюи оказываются ближе к С. Б. Веселовскому, «связывая источник власти землевладельца с княжеским пожалованием» [21, с. 274], то воззрения В. Б. Ельяшевича [15] и Вильгельма Шульца близко подходят к воззрениям И. Я. Фроянова. В своей мощной книге (несмотря на то, что по форме это журнальная статья) В. Шульц в Киевской Руси замечает только начало иммунитета. Для XIII — первой половины XV в. историк старается найти место этому институту в рамках того процесса колонизации, который шёл в это время. Для этого времени иммунитет явно вторичен по отношению к заселяемым свободными людьми, причём часто из соседних княжеств, аллодам. Княжеская власть использует, прежде всего, судебный и налоговый иммунитет для того, чтобы закрепить этот процесс сельскохозяйственного освоения российских пространств. Ситуация кардинально меняется к концу XV в., когда в составе Московского государства оказывается огромный массив земель, и земли эти, населенные свободными крестьянами, интенсивно раздаются служилым людям. Это была уже подготовка к тем процессам, которые будут идти все последующие века, вплоть до Екатерины, и иммунитет вырастает в эту новую систему отношений [41, с. 268–269].

Речь шла до сих пор о Московской Руси, но ведь была ещё и Литовская Русь — такая же (а, может, ещё и в большей степени) наследница истории Киевской Руси. Государственность, которая здесь формировалась, называлась «Великое княжество Литовское, Жомойтское и Русское» (в российской историографии «Литовско-Русское государство»). Вопрос о том, был ли здесь феодализм, а, соответственно, и иммунитет, стал волновать историков уже до 1917 г. Соответствующие идеи прочитываем в трудах двух ведущих исторических наук: российской и польской. Видим и различия в подходах: поляки считали, что по мере сближения с Польшей в ВКЛ власть великого князя уменьшалась, формировались сословное государство и феодализм сходил на нет. Россияне всё видели с точностью до наоборот: феодализм начинает распространяться как раз по мере сближения с Польшей [11, с. 158].

Лишь постепенно стала пробивать себе дорогу идея, что феодализм может расти и изнутри. Российская наука к этому времени уже успела погрузиться в пучину марксистско-ленинской схоластики, о чём, собственно, речь уже шла. Польская же наука на просторах Второй республики оказалась в более выигрышной ситуации. Не то чтобы у польской науки проблем не было, но жилось как-то веселее: проходили неформальные съезды историков, где можно было предаться плюрализму взглядов, в отличие от советского фактического единомыслия в рамках постановочных дискуссий. На одном из съездов Т. Майнтейфель озвучил, что польские историки представляют себе в связи с феодализмом: это полный набор — вассалитет, бенефиции и т. д., и иммунитет [40]. Здесь же был доклад Г. Ловмянского, посвященный становлению феодализма в ВКЛ, где иммунитет занял вполне достойное место. Впрочем, о повсеместном распространении иммунитета как о результате кризиса «военной монархии» историк писал и раньше [39, с. 613]. На съезде он пришёл к выводу, что процесс феодализации в ВКЛ шёл, но, за исключением иммунитета, он глубоко никуда не проник [39, с. 617].

На шестом съезде уже возникла серьёзная дискуссия, на которой выступили И. Яворский, К. Тыменецкий и др. [11, с. 159–160]. Потом с этим вопросом на развалинах послевоенной Варшавы попробует разобраться В. Каменецкий, будут и другие интересующиеся, пока и польская наука не вступит в ту самую схоластику, пусть и в менее извращенной форме, чем в СССР. Собственно, и эти исследователи установили, что основным проявлением «феодализма» в ВКЛ стал иммунитет. Кстати, по-своему интересен и спор между Каменецким и Ловмянским: первый делал чрезмерный упор на привилеи ВКЛ, пытаясь свести к ним иммунитет, а второй отметил, что развитие иммунитета происходило и вне этих общих привилеев [11, с. 161].

Не продолжая дальше этот историографический обзор, заметим, что, по наблюдениям историков, иммунитет был и в Северо-Восточной Руси (Московское государство), и в Западной Руси (ВКЛ). Весьма заманчиво сравнить эти две архаические государственности и, как говорят в рекламе, «почувствовать разницу». К сожалению, я могу назвать только работу М. Е. Бычковой и свой общий труд [3; 10]. Маргарита Евгеньевна лишь отметила, что Литовская власть «гораздо гибче» следит за имуществом своих феодалов. В Литве землевладение было тесно связано со службой великому князю

[3, с. 60]⁸. В Московии сделки по земле не утверждались княжеской властью и редко оформлялись письменным документом. Мой же труд слишком общий, чтобы исчерпать эту проблему...

Во всяком случае, ясно, что во всех землях, получивших наследие Киевской Руси, застаем иммунитет не только в неразвитой, но и в самой архаичной, как уже отмечалось, положительной форме. Кстати, в современной учебной литературе иной раз переворачивают с ног на голову и считают именно такой иммунитет более развитым и всеобъемлющим. Это совершенно неправильно, поскольку именно отрицательный иммунитет возникает в условиях уже сложившегося государства, которое стремится развивать иммунитет.

А иммунитет, согласитесь, только и может зарождаться в таких условиях. Ведь ясно, что для того, чтобы что-то от чего-то освободить, надо, чтобы и то, и другое сформировалось. Другими словами, для появления иммунитета необходима сильная княжеская власть, с одной стороны, и частное землевладение — с другой. С. Б. Веселовский не хотел связывать иммунитет с княжеской властью, поскольку такая постановка вопроса подводит, как ему казалось, к ещё более темному вопросу: происхождению самой княжеской власти [4, с. 112]. А почему этого вопроса бояться? Ведь ясно, что княжеская власть проходит длинный путь от времён военной демократии через вождества к ситуации древнерусских городов-государств, и на каждом этапе она имеет свои особенности и свой модус отношений с социумом [9; 10]. Вопрос, правда, переходит в несколько иную плоскость: не «дофеодальность» иммунитета нас волнует, а его «догосударственность», что вполне обосновано, поскольку иммунитет — явление постоянно развивающееся.

Да он был не особенно и нужен, поскольку землевладение в Восточной Европе формировалось поздно и медленно⁹. Вотчина появляется не ранее второй половины XIV в. Этот давний вывод С. Б. Веселовского нашёл подтверждение во многих современных нам работах [10, с. 336]. И тогда она была островком в море крестьянских общин¹⁰. Причём, появившись поздно, вотчина и в западных, и в восточных землях восточных славян содержала в себе множество архаичных явлений, пережиточных черт: право родового выкупа, закуп-запродажа и т. д. [35, с. 174–189, 191–261].

Основную массу земель в это время составляли «черные земли», вокруг которых кипели споры между «московской» и «ленинградской» школами в 60–80-е гг. прошлого столетия. Само появление такого понятия в какой-то степени было веянием нового времени — в Киевской Руси в нём не было необходимости. Термин и то, что скрывалось за ним (не место и не время вступать в тот давний спор), свидетельствовали о серьёзных сдвигах в процессе политогенеза, но к феодализму, в каких бы то ни было формах, отношения не имеют.

Впрочем, дело и не в землевладении как таковом, а в том, что знать пока жила за счёт всякого рода кормлений и держаний. Такой вывод С. Б. Веселовский сделал касательно Северо-Восточной Руси XIV в. Очень ярко и убедительно подтвердил его на материалах Киевской Руси И. Я., подтверждается он и на материалах Великого княжества Литовского (А. Ю. Дворниченко) и Господина Великого Новгорода [34]¹¹. В условиях господства кормленной системы востребован был в основном церковный иммунитет, о чём и писал И. Я. Ещё в своей первой книге он убедительно показал, что собственного хозяйства древнерусскому духовенству не хватало даже на самые насущные нужды [27, с. 73–87]. Чтобы создать духовенству «источник материального достатка» княжеская власть и предоставляла ему иммунитеты. А это значит, что церковно-монастырский иммунитет опережал в своём развитии иммунитет светских владельцев [29, с. 116–118].

Есть и ещё один важный аспект: в домонгольскую эпоху явно ещё не оформилась система налогов и повинностей. По сути дела, она не носила ещё государственного характера, в ней преобладали дани, которые собирались с подвластных племён. Это были контрибуции, т. е. «плата за мир», которая никак не подходит под категорию государственных налогов. С местным «родным» населени-

⁸ Нельзя, однако, отрицать служебный характер и древнего землевладения Московской Руси.

⁹ Вряд ли можно это относить на счёт последствий монгольского нашествия, дескать выбрали монголы феодалов. Ср.: [24]. Грех так говорить — это же были живые люди, но тут принцип грибного урожая, если грибов много, то сколько грибников не пройдёт, всё равно останется, что собрать. Да и более ранние источники донесли бы всё-таки до нас информацию об этой «толпе феодалов».

¹⁰ Это тезис И. Я. применяет к материалам по Киевской Руси, а В. Б. Кобрин применил к Московской Руси [23].

¹¹ В. Л. Янин рассуждает о «внеземельных доходах» в широком смысле этого слова, но в данном случае важно то, что именно опираясь на эти доходы, бояре переходят к землевладельческой стадии своего материального благополучия.

ем вожди-князя строили свои отношения с помощью полюдья и уже упоминавшихся кормлений. Такая картина, ярко нарисованная И. Я. Фрояновым, меня лично полностью убедила. На основе этого древнерусского наследия формируется уже примитивная налоговая система в тех архаических военно-служилых государствах, которые возникли в XIV–XV вв. [10, с. 214–222].

Естественно, что наши подходы убеждают далеко не всех. Совсем недавняя попытка обнаружить развитую систему налогов в Киевской Руси — книга С. Н. Темушева. Исследователь упростил себе задачу: взял да и слил государственную власть с княжеской, а добровольные приношения с налоговыми обязательствами. К этому он присовокупил «принуждение к выполнению определенных обязательств вследствие завоевания» [26, с. 324]. Почему в результате финансовая сфера так и не выделилась в государственную отрасль, отличаясь простотой и несовершенством, как он сам и пишет, осталось как-то не очень понятным [26, с. 326]. Наверное, других выводов на основании источников, которые позволяют реконструировать только отдельные аспекты налогово-даннической системы, и не сделаешь [26, с. 324]. К тому же и в Киевской Руси всё было не так. Если уж и признавать тут государство, чего я большой противник, то рядом с князем стояло вече, которое никак нельзя сбрасывать со счётов. Да и добровольные приношения — та архаика, которую грех считать налогами, как, впрочем, и контрибуцию-дань.

Иммунитет в XIV в. появляется как бы заново и в тех же архаических формах — это был положительный иммунитет. Так, в ВКЛ обычно даётся «село с тем, что к нему прислушает», т. е. результатом колонизационной деятельности крестьянского сообщества, а также с данью. Отрицательный иммунитет, в том числе и судебный, появляется позже [11, с. 185]. Тоже наблюдаем и в Северо-Восточной Руси. Примером может служить знаменитая жалованная грамота Олега Ивановича Ольгову монастырю. Примечательно, что в ней встречаем иммунитет в положительной форме, причём, применительно, как к XIII в., так и ко времени издания грамоты¹². В то же время для времени выдачи самой грамоты (1355/56 гг.) встречаем уже и отрицательный иммунитет: запрет волостелям «вступаться» в «данных люди» [7, с. 297]. Правда, рязанские грамоты более архаичны, чем грамоты некоторых других земель, но такая закономерность характерна и для них.

Как уже отмечалось, в это время иммунитет, вполне по И. Я. Фроянову, является инструментом, прежде всего, финансовой, шире — хозяйственной деятельности. Но важно отметить, что развитие иммунитета сопрягается с усилением княжеской власти. Именно теперь, после того, как уходит в прошлое древнерусское вече, государственность всё в большей степени сливается с княжеской властью. И иммунитет всё больше становится инструментом управления, а, вернее, созидания сословного строя в молодых, архаичных в то же время ещё государствах.

И здесь выявляются серьёзные различия в характере иммунитета в этих двух государствах. Впрочем, различия нарастают постепенно. Первоначально и там, и здесь иммунитет не носил сословного характера — им пользовались различные группы населения. Но со временем он начинает носить всё более сословный характер. Государственная школа, может, несколько и перегибала палку в лице отдельных своих представителей, но, в сущности, была права: именно государство в лице великокняжеской власти созидало в Восточной Европе сословия. И вот тут-то одним из серьёзных орудий стал иммунитет.

Причём, это наиболее заметно в ВКЛ, где с 1447 г. начинают выдавать сословные привилегии [38, с. 41–119]. Впрочем, несмотря на это, иммунитет развивался своеобразно и замедленно. Об этом свидетельствуют уставные грамоты: оказалось, что положения общеземского привилегия 1447 г. были внесены не во все областные привилегии [25, 326]. Можно предположить, что это связано с самим уровнем крупного землевладения в русских землях ВКЛ. Во всяком случае, статьи о судебном иммунитете в уставных грамотах появляются в основном уже в XVI в.¹³

В ВКЛ была разновидность иммунитета, которого вплоть до Екатерины Второй не знало Московское государство. Это городское немецкое право, прежде всего, магдебургское. Оно весьма свое-

¹² Дело в том, что грамота «ободная», т. е. в ней, наряду с пожалованием самого князя, осуществляется подтверждение им же более древнего пожалования. См.: [7].

¹³ Ю. Г. Алексеев противопоставляет уставные грамоты Московского государства и ВКЛ. См.: [2, с. 126]. Действительно, они ближе к договорным грамотам Великого Новгорода с князьями. Но чтобы адекватно оценивать уставные грамоты ВКЛ и сравнивать их с московскими грамотами и более ранними, надо обязательно помнить о наличии в них разных слоев, более ранних и более поздних. Это показал польский историк И. В. Якубовский. См.: [33, с. 276–277].

образно — в хронологическом и территориальном отношении — распространялось по территории ВКЛ. В самом этом распространении можно выделить несколько периодов. Характерно, что первоначально подготовленной почвы для него не было, неразвитый в экономическом плане город отнюдь не нуждался в подобного рода иммунитетах. Превалировало внешнее влияние, да, может быть, ещё фискальные устремления власти [11, с. 186–187]. По мере того, как распадался древнерусский волостной строй и нарастал от этого административный и социальный хаос, города сами стали просить городовое право и князья стали его давать [6]. Но беда в том, что иммунитет этот явно отторгался литовско-русским организмом, вступая в противоречие с местными правовыми системами.

В московском государстве иммунитет, вообще, был слабее. С. М. Каштанов исходит из двух презумпций: внекняжеского происхождения иммунитета в Северо-Восточной Руси и первоначальной его «полноты» [20, с. 10]. Другими словами, откуда-то, как черт из табакерки, возникает полный (всеобъемлющий) иммунитет, а князья чуть ли не с самого начала стали его урезать¹⁴. Гораздо более здравые оценки, в которых отмечена ограниченность московского иммунитета, находим в вышеупомянутой работе В. Шульца [41, s. 190, 197–199]. Исследовавший в своё время (60-е гг. прошлого столетия) Северо-Восточную Русь, Ю. Г. Алексеев писал: «Жалованные грамоты только допускают льготу, т.е. временную отсрочку в платеже дани... в принципе все трудящееся население должно было платить дань. Сказанное о дани, вполне относится к таким повинностям, как ям и подвода» [1, с. 116].

Получается так: возникнув сугубо благодаря княжеской власти, иммунитет в Северо-Восточной Руси с самого начала был не очень-то развит. Для светских владений он был весьма ограниченным: ни от выплаты дани, ни от городского дела, ни от суда по наиболее серьёзным преступлениям вотчины не освобождались. По этой причине, как отмечено в одном из самых глубоких современных изданий, положение светских собственников в Северо-Восточной Руси несопоставимо с положением западноевропейских феодалов [18, с. 286]. Московия, вообще, не знала всеобщего иммунитета привилегированных землевладельцев. Для нас сейчас не так важно, какому суду подлежали держатели жалованных грамот, сколько важнейшее наблюдение исследователя Судебника 1497 г.: оказалось, что Судебник даже не упоминает судебных привилегий [2, с. 256]. Московская власть стремилась сделать из иммунитета гибкое орудие в борьбе за своё усиление¹⁵, что и объясняет зигзаги в иммунитетной политике [20, с. 230].

Иммунитет в молодых архаических государствах, возникших на развалинах Киевской Руси, стал одним из орудий создания сословного государства. Но драма (трагедия?) нашей истории в том, что ВКЛ, прежде чем окончательно стать полноценным сословным государством, под постоянной угрозой Московии объединилось с Польшей, что уж точно рассматривается как трагедия, во всяком случае, литовскими историками. А само Московское государство, также не успев стать сословным государством, погрузилось в кровавую купель Опричнины, из которой вынырнуло уже почти сложившейся самодержавной монархией, обреченной на века смут, потрясений и противостояния с Западом.

Конечно, это исследование, на которое натолкнула глубокая мысль И. Я. Фроянова, должно быть продолжено. Но уже и сейчас ясно, что иммунитет в Восточной Европе играл не такую роль, как в Западной её части. Так надо ли, вообще, употреблять такое понятие? Вопрос этот непростой. В нас всегда есть инертность мышления. Вот, например, Игорь Яковлевич как никто другой в своих работах показал, что ни государства, ни феодализма в Киевской Руси не было, но от государства так и не отказался. И феодализму делает уступки, даже в последнем своём фундаментальном курсе лекций употребляя понятие «вассалитет» применительно к отношениям между древнерусскими князьями. Наверное, в самом употреблении западных слов ничего страшного нет. В конце концов, это наша юдоль — использовать западные понятия, хотя наша история мало общего имеет с западной. Надо только помнить, что под этими словами подразумеваются разные явления...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л.: Наука, 1966. 264 с.

¹⁴ С. М. Каштанов обвинял своих научных противников в слабости их доказательной базы, но свой важный вывод о «принципиальной близости между уплатой дани и взносом оброка» делает на основании одной (sic!) грамоты. См.: [20, с. 12, прим. 37].

¹⁵ «Судебник Ивана III себя ничем не связывал и не давал никаких гарантий», — пишет знаток Судебника Ю. Г. Алексеев [2, с. 256].

2. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
3. *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М.: Изд-во РАН, 1996. 158 с.
4. *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.
5. *Дворниченко А. Ю.* К вопросу о «прошениках» // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер.: История, язык и литература. 1979. № 14. С. 109–111.
6. *Дворниченко А. Ю.* О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV–XV вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер.: История, язык и литература. 1982. № 2. С. 105–108.
7. *Дворниченко А. Ю.* О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия. Сб. научн. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 296–306.
8. *Дворниченко А. Ю.* А. Е. Пресняков о Великорусском государстве // Государство, общество, архивы в истории России. К 60-летию Александра Ростиславовича Соколова. СПб.: Лики России, 2009. С. 19–32.
9. *Дворниченко А. Ю.* О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica antiqua* 2006. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 184–195.
10. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010. 944 с.
11. *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). М.: Аргамак Медиа, 2013. 240 с.
12. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2017. 559 с.
13. *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
14. *Дворниченко А. Ю.* Историческая наука и петербургский историк Фроянов. Ч. 2 // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 677–698.
15. *Ельяшевич В. Б.* История права поземельной собственности в России. Париж, 1948, 1951. Т. 1. 393 с.; Т. 2. 269 с.
16. *Зелигер Г.* Социальное и политическое значение вотчины в раннее средневековье. М., 1994. 264 с.
17. *Ивонин А. Р.* Тупики «русского феодализма» // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 87–100.
18. История России с древнейших времен до конца XVII века / под ред. Л. В. Милова. М., 2006. 768 с.
19. *Каиштанов С. М.* Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. статей. М., 1970. С. 172–173.
20. *Каиштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. 246 с.
21. *Каиштанов С. М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 472 с.
22. *Каиштанов С. М.* Эволюция зарубежных представлений о путях исторического развития феодальной России // Каиштанов С. М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 266–275.
23. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985. 278 с.
24. *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // Истории СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
25. *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988–1989. М.: Изд-во Вост. лит., 1991. С. 170–344.
26. *Темущев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. М.: Квадрига, 2021. 378 с.
27. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.
28. *Фроянов И. Я.* К истории иммунитета в Киевской Руси // Вестник Ленингр. ун-та. Сер.: История, язык и литература. 1976. № 3. С. 52–59.
29. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Ленингр. ун-т, 1980. 256 с.
30. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри, 2019. 704 с.
31. *Щапов Я. Н.* Церковь и становление древнерусской государственности // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 55–64.
32. *Юшков С. В.* Феодалные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратов. ун-та. 1925. Т. 3, вып. 4. С. 1–108.
33. *Якубовский И. В.* Земские привилегии Великого княжества Литовского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903. Ч. СССХХХХХХVII. С. 276–277.
34. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.
35. *Bardach J.* Studia z ustroj i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. 379 s.

36. *Eck A.* Le Moyen Age russe / Préface de Henri Pirenne. Paris: Maison du livre étranger, 1933. 569 p.
37. *Eck A.* La vassalité et les immunités dans la Russie du moyen Age // Revue de l'Institut de sociologie. Paris, 1936. № 1. P. 103–118.
38. *Kamieniecki W.* Spoleczenstwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947. 340 s.
39. *Lowmiański H.* Zagadnienie feudalizmu w Wielkiem księstwie Litewskim // Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach srednich. Poznan, 1986. 305 p.
40. *Manteuffel T.* Geneza feodalizmu // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie 28 Listopada do 4 Grudnia 1930 R. Referaty. Lwów, 1930. S. 28–44.
41. *Schulz W.* Die Immunität im nordöstlichen Rußland des 14. und 15. Jahrhunderts: Untersuchungen zu Grundbesitz und Herrschaftsverhältnissen // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1962. Bd. 8. S. 268–269.

Поступила в редакцию 01.10.2021

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

A. Yu. Dvornichenko

THE “IMMUNITY” OF I. Ya. FROYANOV AND OUR NOTIONS ABOUT RUS’-RUSSIA

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-6-16

In this article the author making a start from some ideas of I. Ya. Froyanov about an immunity in Kievan Russia, as a phenomenon of pre-feudal society, try to understand the fate and the role of an immunity in East Europe. New young states were mould here during XIV–XV centuries: The Great Duchy of Lithuania and Moscow state. The author shows the main historiography trends in connection with the immunity and also its history. The immunity appeared here as in Kievan Russia in former times and served for the dukes as an instrument of management and formation of the estate structure. In the development of the immunity and of the government policy there were some essential differences between the two states, which we have not to exaggerate and not to underestimate. Anyway in East Europe the immunity never reached such progress as in the West and was not an indicator of any feudalization of the region.

Keywords: I. Ya. Froyanov, immunity, The Great Duchy of Lithuania, Moscow state.

REFERENCES

1. *Alekseev Iu. G.* Agrarnaia i sotsial'naia istoriia Severo-Vostochnoi Rusi XV–XVI vv. Pereiaslavskii uezd [Agrarian and social history of North-Eastern Russia in the 15th – 16th centuries. Pereyaslavsky district]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 264 p. (In Russian).
2. *Alekseev Iu. G.* Sudebnik Ivana III. Traditsiia i reforma [Code of Law of Ivan III. Tradition and reform]. St.Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, 448 p. (In Russian).
3. *Bychkova M. E.* Russkoe gosudarstvo i Velikoe kniazhestvo Litovskoe s kontsa XV v. do 1569 g.: Opyt sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia politicheskogo stroia [he Russian state and the Grand Duchy of Lithuania from the end of the 15th century before 1569: The experience of a comparative historical study of the political system]. Moscow, RAN Press, 1996, 158 p. (In Russian).
4. *Veselovskii S. B.* Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi [Feudal land tenure in North-Eastern Russia]. Vol. 1, Ch. 1–2. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1947, 496 p. (In Russian).
5. *Dvornichenko A. Yu.* K voprosu o «proshchenikakh» [On the question of "forgiveness"]. Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser. istoriia, iazyk i literatura, 1979, no 14, pp. 109–111. (In Russian).
6. *Dvornichenko A. Yu.* O predposylkakh vvedeniia magdeburgskogo prava v gorodakh zapadnorusskikh zemel' v XIV–XV vv. [On the prerequisites for the introduction of Magdeburg law in the cities of Western Russian lands in the XIV–XV centuries]. Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser. istoriia, iazyk i literatura, 1982, no 2, pp. 105–108. (In Russian).
7. *Dvornichenko A. Yu.* O zhalovannoi gramote Olega Ivanovicha Ol'govu monastyriu [About Oleg Ivanovich's letter of grant to the Olgov Monastery], Srednevekovaia i novaia Rossiia. Sb. nauchn. st. K 60-letiiu prof. I. Ia. Froianova [Medieval and New Russia. Sat. scientific. Art. To the 60th anniversary of prof. I. Ya. Froyanova]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1996, pp. 296–306. (In Russian).

8. *Dvornichenko A. Yu.* A. E. Presnyakov o Velikorusskom gosudarstve [A. E. Presnyakov about the Great Russian state]. Gosudarstvo, obshchestvo, arkhivy v istorii Rossii. K 60-letiiu Aleksandra Rostislavovicha Sokolova [State, society, archives in the history of Russia. To the 60th birthday of Alexander Rostislavovich Sokolov]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, pp. 19–32. (In Russian).
9. *Dvornichenko A. Yu.* O vostochnoslavianskom politogeneze v VI–X vv. [About East Slavic political genesis in the 6th — 10th centuries]. Rossica antiqua, 2006, pp. 184–195. (In Russian).
10. *Dvornichenko A. Yu.* Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhavii [Russian history from ancient times to the fall of autocracy]. Moscow, Ves' mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian).
11. *Dvornichenko A. Yu.* Russkie zemli Velikogo kniazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.) [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (before the beginning of the 16th century)]. Moscow, Argamak Media Publ., 2013, 240 p. (In Russian).
12. *Dvornichenko A. Yu.* Zerkala i khimery. O vznikenoveni drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. On the emergence of the Ancient Russian State]. St. Petersburg, Evraziia Publ.; Moscow, Klio Publ., 2017, 559 p. (In Russian).
13. *Dvornichenko A. Yu.* Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii [Russian historian Georgy Vernadsky. Traveling in a world of people, ideas and events]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017, 724 p. (In Russian).
14. *Dvornichenko A. Yu.* Istoricheskaia nauka i peterburgskii istorik Froianov. Chast' 2 [Historical science and Petersburg historian Froyanov. Part 2]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia. 2021, vol. 66, issue 3, pp. 677–698. (In Russian).
15. *El'iashevich V. B.* Istoriia prava pozemel'noi sobstvennosti v Rossii [The history of land ownership in Russia]. Parizh, 1948, vol. 1, 393 p.; 1951, vol. 2, 269 p. (In Russian).
16. *Zeliger G.* Sotsial'noe i politicheskoe znachenie votchiny v rannee srednevekov'e [Social and political significance of the estate in the early Middle Ages]. Moscow, 1994, 264 p. (In Russian).
17. *Ivonin A. R.* Tupiki «russkogo feodalizma» [Dead ends of "Russian feudalism"]. Obshchestvennye nauki i sovremennost, 2011, no 2, pp. 87–100. (In Russian).
18. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka [History of Russia from ancient times to the end of the 17th century]. Ed by L. V. Milova. Moscow, 2006, 768 p. (In Russian).
19. *Kashtanov S. M.* Feodal'nyi immunitet v svete marksistsko-leninskogo ucheniia o zemel'noi rente [Feudal immunity in the light of the Marxist-Leninist doctrine of land rent]. Aktual'nye problemy istorii Rossii epokhi feodalizma: Sbornik Statei [Actual problems of the history of Russia in the era of feudalism: Collection of articles]. Moscow, 1970, pp. 172–173. (In Russian).
20. *Kashtanov S. M.* Finansy srednevekovoi Rusi [Finances of medieval Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 246 p. (In Russian).
21. *Kashtanov S. M.* Moskovskoe tsarstvo i Zapad: Istoriograficheskie ocherki [Muscovy and the West: Historiographic Essays]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2015, 472 p. (In Russian).
22. *Kashtanov S. M.* Evoliutsiia zarubezhnykh predstavlenii o putiakh istoricheskogo razvitiia feodal'noi Rossii [Evolution of foreign ideas about the paths of historical development of feudal Russia]. Kashtanov S. M. Moskovskoe tsarstvo i Zapad: Istoriograficheskie ocherki [Kashtanov S.M. Muscovy and the West: Historiographic Essays]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2015, pp. 266–275. (In Russian).
23. *Kobrin V. B.* Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii [Power and property in medieval Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 278 p. (In Russian).
24. *Kobrin V. B., Iurganov A. L.* Stanovlenie despoticheskogo samoderzhavii v srednevekovoi Rusi (k postanovke problemy) [The formation of despotic autocracy in medieval Russia (to the problem statement)]. Istoriia SSSR, 1991, no 4, pp. 54–64. (In Russian).
25. *Starostina I. P.* Sudebnik Kazimira 1468 g. [Code of Law of Casimir 1468]. Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1988–1989 [The most ancient states on the territory of the USSR. 1988–1989]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1991, pp. 170–344. (In Russian).
26. *Temushev S. N.* Nalogi i dan' v Drevnei Rusi [Taxes and tribute in ancient Russia]. Moscow, Kvadriga Publ., 2021, 378 p. (In Russian).
27. *Froianov I. Ya.* Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii [Kievan Rus. Essays on socio-economic history]. Leningrad, Leningrad University Press, 1974, 160 p. (In Russian).
28. *Froianov I. Ya.* K istorii immuniteta v Kievskoi Rusi [On the history of immunity in Kievan Rus]. Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser. istoriia, iazyk i literatura, 1976, no 3, pp. 52–59. (In Russian).
29. *Froianov I. Ya.* Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [Kievan Rus. Essays on socio-economic history]. Leningrad Leningrad University Press, 1980, 256 p. (In Russian).
30. *Shpengler O.* Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoi istorii [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. Vol. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy [World Historical Perspectives]. Minsk, Popurri Publ., 2019, 704 p. (In Russian).

31. *Shchapov Ya. N.* Tserkov' i stanovlenie drevnerusskoi gosudarstvennosti [Church and the formation of ancient Russian statehood]. *Voprosy istorii*, 1969, no 11, pp. 55–64. (In Russian).
32. *Iushkov S. V.* Feodal'nye otnosheniia v Kievskoi Rusi [Feudal relations in Kievan Rus]. *Uchenye zapiski Saratovskogo universiteta*, 1925, vol. 3, issue 4, pp. 1–108. (In Russian)
33. *Iakubovskii I. V.* Zemskie privilei Velikogo kniazhestva Litovskogo [Zemsky Privileges of the Grand Duchy of Lithuania]. *Zhurnal Ministerstva Narodno Prosveshcheniia*, 1903, ch. CCCXXXXXVII, pp. 276–277. (In Russian).
34. *Ianin V. L.* Novgorodskaia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [Novgorod feudal patrimony (Historical and genealogical research)]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 296 p. (In Russian).
35. *Bardach J.* Studia z ustroj i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. [Study on the structure and law of the Grand Duchy of Lithuania XIV–XVII w.]. Warszawa, 1970, 379 p. (In Polish).
36. *Eck A.* Le Moyen Age russe [The Russian Middle Ages]. Préface de Henri Pirenne. Paris, Maison du livre étranger, 1933, 569 p.
37. *Eck A.* La vassalité et les immunités dans la Russie du moyen Age. *Revue de l'Institut de sociologie*, Paris, 1936, no 1, pp. 103–118.
38. *Kamieniecki W.* Spoleczenstwo litewskie w XV w. Warszawa, 1947, 340 p.
39. *Lowmiański H.* Zagadnienie feudalizmu w Wielkiem księstwie Litewskim. *Studia nad dziejami Slowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach srednich*, Poznan, 1986, 305 p.
40. *Manteuffel T.* Geneza feudalizmu // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie 28 Listopada do 4 Grudnia 1930 R. Referaty. Lwów, 1930, pp. 28–44.
41. *Schulz W.* Die Immunität im nordöstlichen Rußland des 14. und 15. Jahrhunderts: Untersuchungen zu Grundbesitz und Herrschaftsverhältnissen. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, Berlin, 1962, bd. 8, pp. 268–269.

Received 01.10.2021

Dvornichenko A.Yu., Doctor of History, Professor,
Head of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century
Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab.7–9, St. Petersburg, Russia, 199034
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru